

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЕР ПЁТЧ

Доцъ Палаца
и
Королѣ Нисих

МОСКВА

2016

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

ПЗ1

Oliver Pötzsch

DIE HENKERSTOCHTER
UND DER KÖNIG DER BETTLER

Copyright © by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.

Published in 2010 by Ullstein Taschenbuch Verlag

Оформление серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке В. Аникина

Пётч, Оливер.

ПЗ1 Дочь палача и король нищих / Оливер Пётч ; [пер. с нем. Р. Н. Прокурова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 608 с. — (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-699-90444-0

Якоб Куизль — грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

Август 1662 года. Палач из Шонгау Якоб Куизль прибыл в имперский город Регенсбург проведать больную сестру. Но едва он переступил порог злополучного дома, как ужасная картина открылась взору повидавшего всякое палача. Сестра и ее муж в луже собственной крови, бесконечная пустота в глазах, зияющие раны на шее... А спустя мгновение в дом ворвались стражники и Куизля схватили как очевидного убийцу. Городской совет пытками намеревается выбить из него признание. И теперь уже Якобу предстоит на себе испытать мастерство регенсбургского коллеги... Куизль не сомневается: кто-то его подставил. Но кто — и почему?.. Возможно, только его дочь Магдалена способна докопаться до правды и спасти отца от лютой смерти...

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-90444-0

ООО «Издательство «Э», 2016

Посвящается любимой Катрин.

*Поладить с Куизлем
способна лишь
сильная женщина.*

Едва на свет появится солдат,
Из трех крестьян обоз ему вручат:
Один сготовит для него еду,
Второй отыщет бабу помилей,
И третий за него сгорит в аду.

*Стих времен
Тридцатилетней войны*

ШТАДТАМХОФ

Нижний Вёрд

Каменный мост

Дунай →

Трактир «У Кита»

Ул. Голафа

Сводчатая улица

Епископский двор

Георгенплац

Особняк Хойпорт

Соборная площадь

Сад при соборе

Собор Св. Петра

Соборная ул.

Старый хлебный рынок

Новоприходская площадь
Убежища нищих

Ул. Черных Медведей

Старая часовня

Ул. Трех Венцов

Ул. Краснышников

Дом палача

Водочный двор

Ул. Веселых Турок

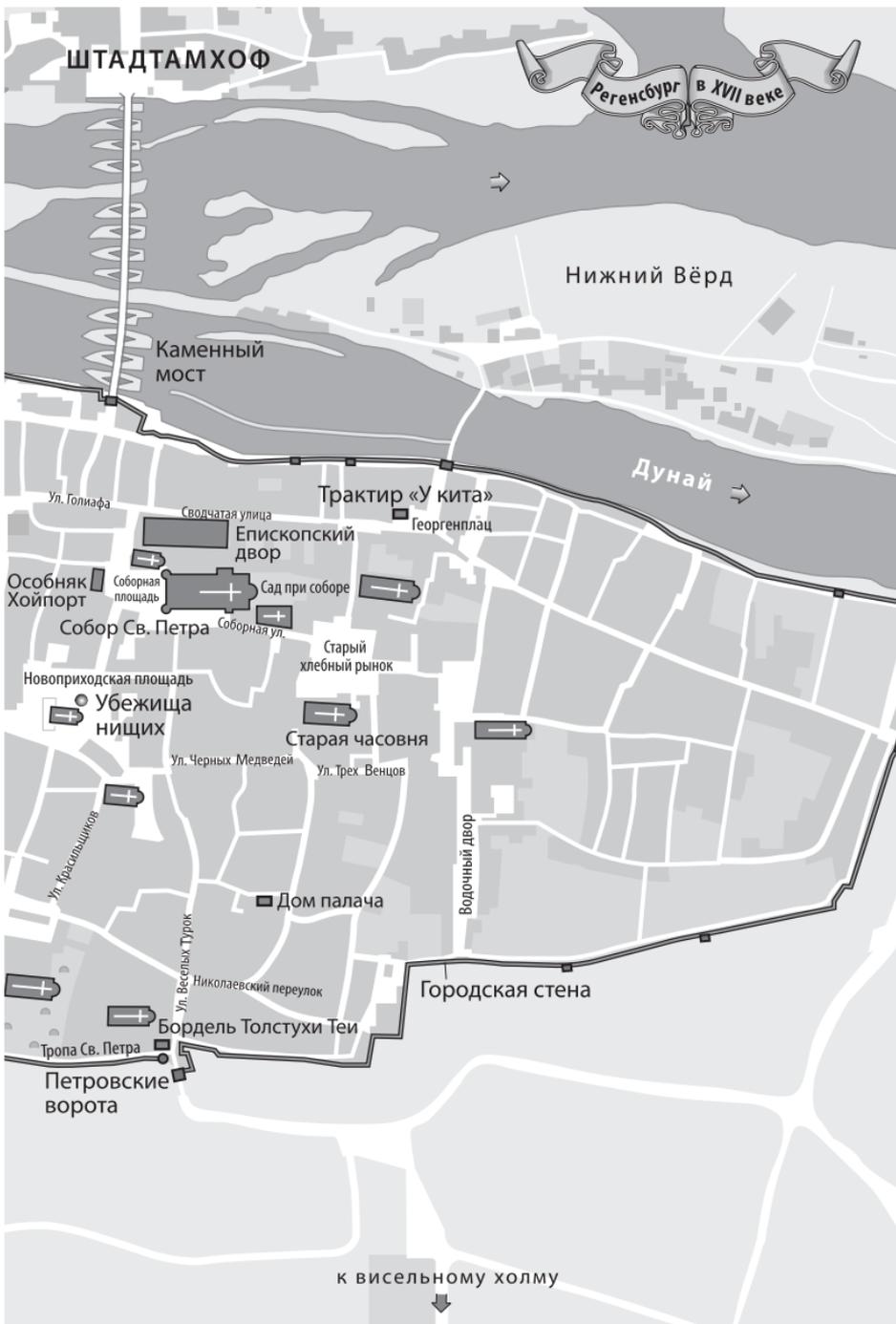
Николаевский переулок

Городская стена

Бордель Толстухи Теи

Тропа Св. Петра
Петровские ворота

к висельному холму

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Якоб Куизль – палач из Шонгау
Симон Фронвизер – сын городского лекаря
Магдалена Куизль – дочь палача
Анна-Мария Куизль – жена палача
Близнецы Георг и Барбара Куизль

Жители Шонгау

Марта Штехлин – знахарка
Иоганн Лехнер – судебный секретарь
Бонифаций Фронвизер – городской лекарь
Михаэль Бертольд – пекарь и городской советник
Мария Бертольд – его жена
Резль Кирхлехнер – служанка пекаря

Жители Регенсбурга

Элизабет Гофман – жена цирюльника и сестра
Якоба Куизля
Андреас Гофман – цирюльник из Регенсбурга
Филипп Тойбер – палач Регенсбурга
Каролина Тойбер – его жена
Сильвио Контарини – венецианский посол
Натан Сирота – король нищих Регенсбурга

Паулюс Меммингер – казначей Регенсбурга
Карл Гесснер – начальник порта в Регенсбурге
Доротея Бехляйн – хозяйка борделя
Отец Губерт – пивовар при епископе
Иероним Рейнер – староста и городской советник
Йоахим Кершер – председатель налоговой службы
Регенсбурга
Доминик Эльспергер – хирург
Ганс Райзер, Брат Паулюс, Безумный Йо-
ханнес – нищие

ПРОЛОГ

*Ноябрь 1637 года, где-то
на просторах Тридцатилетней войны*

Всадники апокалипсиса ходили в ярко-красных штанах и изодранных мундирах, а за спинами, словно знамена, развевались на ветру плащи. Ездили они на старых облезлых клячах, покрытых грязью, их клинки заржавели и зазубрились от бесчисленных убийств. Солдаты молча ждали за деревьями и не сводили глаз с деревушки, в которой собирались в ближайшие часы устроить бойню.

Их было двенадцать. Дюжина оголодавших, истощенных войной солдат. Они грабили, убивали и насиловали — раз за разом, снова и снова. Когда-то они, может, и были людьми, но теперь от них остались лишь пустые оболочки. Безумие источило их изнутри, пока не заплескалось наконец в их глазах. Предводитель, молодой и жилистый франконец в ярком мундире, пожевал расщепленную соломинку и втянул слюну сквозь щель между передними зубами. Завидев, как из труб жавшихся у опушки домов потянулся дым, он удовлетворенно кивнул.

— Судя по всему, есть еще чем поживиться.

Предводитель выплюнул соломинку и потянулся к сабле, покрытой ржавчиной и пятнами крови. До солдат донесся женский и детский смех. Вожак ощерился.

— И бабы в наличии.

Справа захихикал прыщавый юнец. Вцепившись длинными пальцами в уздечку своей тощей клячи, немного сгорбленный, он походил на хорька в человеческом обличье. Зрачки его сновали туда-сюда, точно ни на секунду не могли остановиться. Ему было не больше шестнадцати лет, но война успела состарить его.

— Кобель ты, Филипп, настоящий, — просипел он и провел языком по пересохшим губам. — Одно только на уме.

— Заткнись, Карл, — раздался голос слева. Он принадлежал неотесанному бородатому толстяку с растрепанными черными волосами, такими же, как у франконца — и у юноши с безжалостными пустыми глазами, холодными, словно осенний дождь. Все трое были братьями. — Отец наш тебя не научил разве пасть открывать, только когда слово дают? Умолкни!

— Срать на отца, — проворчал юноша. — И на тебя, Фридрих, тоже срать.

Толстяк Фридрих собрался было ответить, однако предводитель его опередил. Рука его метнулась к шее Карла и стиснула горло так, что глаза юноши выпучились, словно огромные пуговицы.

— Не смей больше оскорблять нашу семью, — прошептал Филипп Леттнер, самый старший из братьев. — Никогда больше, слышишь? Или я кожу твою на ремни порежу, пока покойную матушку звать не начнешь. Понял?

Прыщавое лицо Карла стало пунцовым, он закивал. Филипп выпустил его, и Карл зашелся в приступе кашля.

Лицо Филиппа внезапно преобразилось, теперь он смотрел на сипевшего брата едва ли не с сочувствием.

— Карл, милый мой Карл, — пробормотал он и взял в рот еще одну соломинку. — Что же мне с тобой делать? Дисциплина, понимаешь... Без нее на войне никуда. Дисциплина и уважение! — Он склонился к младшему брату и потрепал его по прыщавой щеке. — Ты мне брат, и я тебя люблю. Но если ты еще раз оскорбишь честь нашего отца, то я тебе ухо отрежу. Понятно?

Карл молчал. Он уставился в землю и грыз ноготь.

— Понятно тебе? — снова спросил Филипп.

— Я... понял, — младший брат смиренно опустил голову и стиснул кулаки.

Филипп ухмыльнулся.

— Тогда снимаемся, теперь можно наконец немного позабавиться.

Остальные всадники с интересом следили за представлением. Филипп Леттнер был их бесспорным лидером. В свои почти тридцать он прослыл самым жестоким из братьев, и ему хватало смекалки, чтобы оставаться во главе этой шайки. Еще с прошлого года, во время похода, они начали совершать собственные небольшие набеги. До сих пор Филиппу удавалось устроить все так, чтобы молодой фельдфебель ничего не узнал. И теперь на зимовке они грабили окрестные деревни и подворья, хотя фельдфебель

строжайшим образом это запрещал. Добычу продавали маркитанткам, которые на телегах следовали за обозом. Таким образом у них всегда было чем подкрепиться и хватало денег на выпивку и шлюх.

Сегодня добыча обещала быть особенно щедрой. Деревня на прогалине, скрытая среди елей и буков, казалась почти не тронутой беспорядками затяжной войны. В свете заходящего солнца взору солдат открылись новенькие амбары и сараи, на поляне у опушки паслись коровы, откуда-то доносились звуки свирели. Филипп Леттнер вдавил пятки в бока лошади. Она заржала, взвилась на дыбы и пустилась в галоп среди кроваво-красных буковых стволов. Остальные последовали за вожаком. Бойня началась.

Первым их заметил сторбленный седовласый старик, который залез в кусты, чтобы справиться нужду. Вместо того чтобы спрятаться в подлеске, он побежал со спущенными штанами в сторону деревни. Филипп нагнал его, на скаку замахнулся саблей и одним ударом отрубил беглецу руку. Старик задергался, и остальные солдаты с воплями пронесли мимо него.

Между тем жители, трудившиеся перед домами, увидели ландскнехтов. Женщины с визгом бросали кувшины и свертки и бросились врассыпную к полям, а потом дальше к лесу. Юный Карл захихикал и прицелился из арбалета в мальчишку лет двенадцати, который пытался спрятаться в жнивье, оставшемся после уборки урожая. Болт угодил мальчику в лопатку, и он, не издав ни звука, повалился в грязь.

Тем временем несколько солдат во главе с Фридрихом отделились от остальных, чтобы, словно взбешенных коров, отловить бегущих к лесу женщин. Мужчины смеялись, поднимали своих жертв на седла или просто тащили за волосы. Филипп между тем занялся перепуганными крестьянами, которые высypали из домов, чтобы защитить свои жалкие жизни и домохладцев. Они похватили цепи и косы, некоторые даже сжимали сабли, но все они были небоеспособными оборванцами, истощенными голодом и болезнями. Они, может, и могли заколоть курицу, но против солдата на коне оказались бессильны.

Прошло всего несколько минут, и резня осталась позади. Крестьяне лежали в лужах крови, в собственных домах, распластанные среди изрубленных столов, кроватей и скамеек, или на улице. Тем немногим, кто еще подавал признаки жизни, Филипп Леттнер одному за другим перерезал горло. Одного из убитых двое солдат сбросили в колодец на деревенской площади и таким образом на долгие годы сделали деревню непригодной для обитания. Остальные налетчики в это время обыскивали дома в поисках съестного и каких-нибудь ценностей. Добыча оказалась не особо богатой: горстка грязных монет, пара серебряных ложек да несколько дешевых цепочек и четок. Юный Карл Леттнер натянул на себя белое подвенечное платье, которое отыскал в сундуке, и принялся выплясывать, напевая визгливым голосом свадебную песенку. А потом под оглушительный хохот солдат свалился с головой в грязь; платье порвалось и повисло с него лохмотьями, забрызганными кровью и глиной.

Самым ценным в деревне была скотина: восемь коров, две свиньи, несколько коз и дюжина кур. Маркитантки неплохо за них заплатят.

И, разумеется, оставались еще женщины.

День уже клонился к вечеру, на поляне становилось ощутимо прохладнее. Чтобы сохранить тепло, солдаты забросили в разрушенные дома подожженные факелы. Сухой тростник и камыш на крышах вспыхнули в считанные секунды, и в скором времени языки пламени добрались до окон и дверей. Рев пожарища заглушали только женские крики и плач.

Женщин согнали на деревенской площади, всего их набралось около двадцати. Толстяк Фридрих прохаживался перед ними и отталкивал в сторону старых и безобразных. Какая-то старуха начала отбиваться. Фридрих схватил ее, словно куклу, и бросил в пылающий дом. Вскоре вопли ее стихли, и крестьянки примолкли, лишь время от времени кто-нибудь тихонько всхлипывал.

В конце концов солдаты отобрали дюжину наиболее подходящих женщин, самой младшей из которых была девочка лет десяти. Она стояла с раскрытым ртом, уставившись куда-то вдаль, и, судя по всему, уже лишилась рассудка.

— Вот так-то лучше, — проворчал Филипп Леттнер и обошел шеренгу дрожащих крестьянок. — Кто верещать не будет, доживет до утра. Женой солдата жить не так уж плохо. У нас хоть пожрать есть, ваши-то козлоногие и не кормили вас толком.

Ландскнехты засмеялись, Карл хихикал звонко и визгливо, словно какой-то сумасшедший фальшивил вторым голосом в хоре.